

Итак, посмотрим... с чего же нам начать?

Что ж, давайте вернемся к окончанию волнений в доме Графа Аббаса. Граф Хуссел, который хотел захватить дом Графа Аббаса, использовал Докума, чтобы убить Дольче, наследника семьи Аббас, и возложить всю вину на Ханаан.

Граф Аббас попросил меня узнать правду, поэтому я приказал своему фамильяру, Бизу, провести расследование. Благодаря ему, я узнал, что за всем этим стоит Граф Хуссел. После раскрытия правды перед Графом Аббасом, Докум был схвачен. Помимо него, все люди, причастные к убийству Дольче, были один за другим найдены и пойманы.

Однако с Графом Хусселем всё будет не так просто; Граф Аббас, кажется, обвинил в убийстве не только самого Графа, но и всю его семью. К слову, вместе с Докумом была арестована и жена Роттена (Роттен — верный слуга Графа Аббаса).

Жена Роттена была племянницей графа Хусселя, которая, после смерти Дольче, планировала сделать так, чтобы она и ребенок Роттена унаследовали всё имущество семьи Аббас. Роттен принадлежит к ветви семьи Аббас, поэтому, после смерти Дольче, была высокая вероятность, что их ребенок будет усыновлен и в конце концов возглавит семью Аббас.

Когда я покинул Великий Лес Борф, я помог экипажу Элли, которая как раз возвращалась в Альгрию, однако эта атака также не была простым совпадением. Граф Хуссел спланировал всё это, симитировав почерк знатной дамы, которая была в хороших отношениях с Элли, и пригласив её к себе. Он пытался убить её с помощью “чисто случайного” нападения бандитов. В конце концов, после смерти Дольче самым большим препятствием для планов Графа Хусселя была именно она.

А вот я уже и правда чисто случайно проходил мимо и помог Элли, что в свою очередь заставило судьбы Ханнан, Элли и всей семьи Аббас переплестись с моей, что повлекло разрушение всех планов Графа Хусселя.

Ханаан, которая ранее стала моей рабыней, наконец освободилась от статуса рабыни-преступницы.

— Отлично, Ханаан. Теперь ты больше не рабыня-преступница.

Ханаан каждый день проходила боевую подготовку в Великом Лесу Борф, поэтому ее уровень достиг 170го. Однако, что важнее, теперь она могла активировать свою магию, не произнося заклинания. Кроме того, Ханаан изучила магию под названием [Огненная Тюрьма], которая показалась мне абсолютно безумной. Сила этой [Огненной Тюрьмы] настолько невероятна, что простые заклинания [Магии Огня] не идут с ней ни в какое сравнение. Одна атака с помощью этой магии смогла оставить кратер диаметром три километра в Великом Лесу Борф.

Услышав мои слова, Ханаан замолчала.

— Что-то не так?

Я сидел в кресле и разговаривал с Ханаан, попивая чай, однако её реакция на мои слова была какой-то подавленной.

Ну, что-что, а чай у Графа Аббаса и правда вкусный. Нужно будет обязательно захватить с собой пару листьев, когда буду уходить.

— У меня есть просьба.

— Что такое? Скажи мне.

Ханаан посмотрела на меня с серьезным выражением лица, которое по какой-то причине казалось мне расстроенным. Я слаб к таким взглядам от красивых девушек.

— Пожалуйста, сделайте меня своей рабыней!

— Э?

Мне было интересно, что она скажет, но Ханаан, что, и правда только что попросила меня снова сделать её своей рабыней? Я же только что тебя освободил, в чём проблема.

— Это, что, какая-то новая игра в рабов?

— Нет, это не игра! Я ни во что не играю!

Хорошо, я бы не захотел встречаться с тобой, если бы ты сказала, что это игра.

— Я больше не вижу вас, Мастер!

— Э?

— Я видела вас, когда была рабыней. А сейчас...

— Не видишь?

— Вы размыты, словно тень...

Неужели моя тень и правда такая размытая...?

(Пухахаха! Хах, так вот оно что. Это и правда всё из-за тебя!)

(С чего ты смеешься? Здесь нет ничего не смешного! ...Эй, Курогири, скажи правду, неужели меня и правда так сложно заметить?)

У меня есть скилл [Скрытие Присутствия], но это был активный скилл, который не работал постоянно. Почему она меня не видит? Может это из-за Пальто Отшельника?

— Я вижу вас немного лучше, когда вы в Шубе Медведя, но... без нее...

(Кажется, Ханаан не видит тебя, потому что твоё присутствие слишком слабое. Разве это не хорошо? Ты можешь внезапно напасть на нее!)

(Заткнись! Мне не нужны внезапные атаки! Лучше придумай как мне вернуть своё присутствие!)

...Ах! ...Точно... Тот титул, [Странный Человек] ... Когда я ношу одежду, я словно камень на обочине дороги... Б***ь, проблема явно именно в этом!

— На это существует несколько причин. Поэтому не имеет значения, являешься ты моей рабыней или нет.

— Нет, когда я была вашей рабыней, я чувствовала связь с вами, и, более того, я вас видела! Меня беспокоит то, что я больше не ваша рабыня!

В конце концов, я неохотно согласился снова поработить ее...

Что это вообще за игра: сначала получить освобождение, а затем сразу же снова выбрать рабство?

Однако я испугался взгляда Ханаан. Когда она так смотрела на меня, мне ничего не оставалось, кроме как согласиться.

Нам пришлось отправиться в магазин Сиделе, чтобы повторно подписать рабский контракт, но прежде, чем мы это сделали, я решил сделать предмет, который усилит моё присутствие.

Все, что мне нужно было сделать, это подготовить немного золота для обмена. В реке Эллин, которая протекала через Великий Лес Борф, был золотой песок. То, что я нашел этот золотой песок, было чистым совпадением, но раз уж я его заметил, не позаботиться о мистере Золотом Песке было бы грубо. Я положил его на стол и с помощью [Эквивалентного Обмена] создал идеальное кольцо для усиления присутствия.

Золотое Кольцо Присутствия: если на вас будет это кольцо из чистого золота, вы просто не сможете не выделяться. Так что берегись воров, ладно? ~♡

Отлично! Оно даже заставит меня выделяться!

— Ну, что, так лучше?

Я надел кольцо на палец и спросил Ханаан о своём присутствии.

— Ах, Мастер, теперь я вас вижу! Удивительно!

Итак, раз ты меня видишь, теперь тебе не обязательно становится моей рабыней, верно? Я спросил ее об этом, но она сказала, что “не чувствует связи”! Другими словами, ей всё ещё нужно вернуться к своему предыдущему статусу. Что это вообще за “связь”?

Я спросил Графа Аббаса, Элли и Голиафа о своём присутствии, когда я встретил их в холле, и они сказали, что они не могут заставить себя смотреть прямо на меня. Помимо этого, все они синхронно произнесли “теперь я чётко вижу вас, Сумераги-доно”, когда я надел кольцо.

Я почти начал потеть глазами¹, поэтому просто взял Ханаан в магазин Сиделе. Придя в магазин, я сразу же задал ему тот же вопрос, но он тоже сказал то же самое, что и люди Аббаса.

— Ты действительно согласна на это?

— Да, дядя Сиделе, дайте мне контракт, пожалуйста!

После того, как я передал ему онигири, Ханаан заявила, что хочет снова стать моей рабыней. Услышав её слова, глаза Сиделе каким-то образом стали ещё круглее, чем были. Он изо всех сил старался убедить Ханаан пересмотреть своё желание. Я тоже убеждал её, но воля Ханаан была твердой, как гора. Она продолжала настаивать на служении мне в качестве рабыни.

Сиделе со вздохом сдался и создал контракт, который возвращал Ханаан статус моей рабыни.

— Этот контракт сделает Ханаан рабыней Сумераги-доно. Пожалуйста, позаботьтесь о ней.

Сиделе низко мне поклонился. Кажется, я заставил его нервничать...

Когда я вернулся в особняк, меня позвал Граф Аббас.

— Ммм, как я и думал, он меня прекрасно видит.

Этот парень... Я так и знал! Он просто притворялся, что плохо меня видит!

Голиаф и стоящий за ним человек, похожий на волшебника, также согласно кивнули.

— ...О-о чём вы говорите?

Его тон был таким “невинным”.

Эй, Курогири, не смейся!

— О, кстати, у меня к вам три просьбы, Сумераги-доно.

— Просьбы?

Первая просьба заключалась в проблеме Графа Хусселя. Хотя Аббас и приказал готовиться к войне, Дольче сказал, что война - это нехорошо, и Граф, похоже, потерял свою волю к битве благодаря настойчивым призывам Дольче. Поэтому Граф Аббас решил, что будет добиваться того, чтобы король признал Хусселя виновным в убийстве.

Ни в письме, адресованном Докуме, ни в послании, адресованном его племяннице, жене Роттена, не было никаких проблем, но Аббас хотел получить ещё какие-нибудь доказательства противозаконных деяний Графа Хусселя, чтобы сокрушить его со всей уверенностью.

Король также иногда принимал неверные решения и чаще всего пытался избежать спора между могущественными дворянами в стране, поэтому граф Аббас хотел собрать неоспоримые доказательства преступлений, чтобы помешать Графу Хусселю избежать своей участи.

— Ах, об этом парне всегда ходили различные плохие слухи, так что я думаю, если мы займёмся расследованием, мы обязательно найдем больше доказательств его преступлений!

— Означает ли это, что ты хочешь, чтобы этим занялся я?

— А вы не можете?

Идея Дольче о том, чтобы избежать войны ради народа, была достойна восхищения. Даже план Графа Аббаса, который предполагал сокрушение своего противника на политическом поприще был очень хорош. Хотя всё это здорово и прекрасно, я не обязан ему помогать и ничего ему не должен.

— Нет, простите меня. Забудьте об моей просьбе. Существуют вещи, о которых и вы не способны позаботиться, да, Сумераги-доно?

Что? Этот ублюдок! Не думай, что это невозможно, ещё до того, как я ответил!

— Хорошо, я принимаю эту просьбу!

— Но разве это не сложно?

Я знаю, что как осёл клюнул на уловку графа. Неважно, это всё равно просто пустяк.

— Мне все равно. Поговорим о награде.

— Понятно, я ценю это. Награда, да? Хм, как насчет 20, нет, 30 миллионов золотых? Этого будет достаточно?

Эта награда куда выше, того, что я получил, спася Элли или узнав правду об убийстве Дольче. Интересно, если война с Графом Хусселем всё-таки начнётся, будет ли награда за моё участие ещё выше?

— ...Да, достаточно. Ладно, раз так... вот, держи!

Поскольку с наградой мы уже определились, я вынул кое-что из [Хранилища Материалов] и положил на стол.

—...Это?

— Доказательства.

— Э?

— Доказательства тайной торговли, незаконного порабощения, производства наркотиков и контрабанды, в которых виновен Граф Хуссел.

Граф Аббас просто-напросто потерял дар речи.

Биз принес мне письмо, которое служило доказательством причастности Графа к убийству Дольче, а также собрал другие письма и документы Хусселя, чтобы, сравнив почерк, подпись и герб, определить, подлинное ли у нас письмо. Вот когда я получил эти документы. Да, Биз просто великолепен!

— С первой просьбой покончили, правильно?

—...Ах, мхм, да, всё верно... но...

Графу Аббасу, который что-то бессвязно бормотал, погружаясь в свой мир, потребовалось некоторое время, чтобы вырваться из задумчивости. Он, вероятно, не думал, что сразу же получит все доказательства, из-за чего на сбор 30 миллионов золотых ушло какое-то время, но в итоге меня всё-таки вознаградили.

Вторая просьба частично касалась убийства Дольче.

Многие рыцари и маги были наказаны за свою связь с Докумом, в результате чего Граф Аббас оказался погребённым под большим количеством проблем, возникших при реформации армии. Он пополнил ряды новобранцами, но в тоже время как никогда хотел улучшить общее качество армии. В связи с этим, Граф Аббас попросил меня стать тренером, для его солдат.

— Нельзя же быть таким несправедливым. Я никогда не был связан с армией.

— Может быть вы и правы, Сумераги-доно, но ваши способности станут очевидны, если просто взглянуть на Ханаан.

Мы с Ханаан посмотрели друг на друга, будто не понимая, о чем он говорит.

— Роттена спасла легендарная [Магия Света], верно? Учитывая, что раньше Ханаан была моим вассалом, я знаю о её способностях. Раньше она не могла использовать [Магию Света].

Услышав это, мы оба замолчали.

Если так подумать, когда Ханаан изучила [Магию Света]? Она получила её, после того, как её уровень превысил 100ый? Так как это уровень, который просто так достичь просто невозможно, является ли [Магия Света] простой легендой?

— Я слышал, что только герои и великие мудрецы прошлого использовали [Магию Света]. Теперь же в одном ряду с этими легендами находится и Ханаан. Более того, она может мгновенно вылечить практически смертельные раны, используя всего лишь [Магию Восстановления]. Это заметил бы любой, а не только я.

—...

Как и ожидалось, титул Графа у него был не для галочки.

— Я награжу вас чем угодно! Умоляю вас, Сумераги-доно!

Я не мог отказать Графу Аббасу, который, положив руки на стол, склонил голову, несмотря на свой дворянский титул.

— У меня есть условия.

— Я вас внимательно слушаю!

— Десять человек. Я не смогу позаботиться о слишком большом количестве человек. Вот почему я возьму для тренировок только десять человек, которых ты выберешь сам. Эти десять человек могут потом начать тренировать остальных.

— Понятно. Однако, я бы хотел, чтобы после того, как я лично отберу подходящих людей, финальную десятку выбрали именно вы. Будет не хорошо, если такую силу получит неподходящий человек.

Понятно, он собирается выбрать наиболее преданных себе людей.

— Это хорошо. Но, пожалуйста, пойми, я не собираюсь брать на себя ответственность, если кто-то умрёт.

—...Они могли умереть?

Граф Аббас посмотрел на меня и Ханаан, и она коротко кивнула.

Странно, я, что, заставлял её тренироваться настолько усердно? Кажется, я уже выкинул из головы все воспоминания о тренировках Ханаан.

— Здравый смысл Мастера безумен по сравнению с другими людьми. – пробормотал Ханаан со вздохом.

Я что-то в этом не уверен... Я не слышал, чтобы ты жаловались!

— Итак, какова третья просьба?

— Ммм, заберите её с собой.

Он хочет, чтобы я взял кого-то с собой? Кто бы это мог быть?

В этот момент дверь в комнату открыл дворецкий. Поскольку я жил в этом особняке, я был многим обязан ему, и, очевидно, уже давно запомнил его лицо. Но за ним...

Почему здесь она?

— Вы и без моих представлений её знаете, не так ли? Но, просто на всякий случай, я ещё раз представляю её вам. Это Ханна, горничная, которая пыталась вас отравить. Теперь она рабыня-преступница.

— Да, я помню её лицо...

Итак, что за херня? Почему он представляет мне Ханну?

— Я хочу оставить её на вашем попечении, Сумераги-доно.

— Э?

О чем это он говорит с таким серьезным лицом? Он хочет со мной подраться? Я сейчас отвешу ему оплеуху. Нет, стоп, не суетись, хватит. Почему я должен заботиться о горничной, которая пыталась меня убить?

— Мне есть что сказать, но, пожалуйста, для начала объяснись. Позаботься о том, чтобы не поставить под угрозу наши, до сих пор хорошие, отношения.

На лбу графа выступили капли пота, когда он услышал мою угрозу. Я ещё не показал своего намерения убить, так что это, должно быть, из-за его собственных предположений.

— Она замешана во всём этом вовсе не по своей воле. Не будет преувеличением сказать, что она фактически одна из жертв. Однако то, что она пыталась вас отравить, всё ещё остаётся фактом. Вот почему я сделал её рабыней-преступницей, но, учитывая обстоятельства, я бы хотел оставить её в руках жертвы - вас - и дать ей шанс искупить свой грех.

Я не думаю, что в этом объяснении есть какая-то ложь, и я понимаю, к чему он клонит... Ну, я не говорю, что это не наказание, но способ искупления грехов? Конечно, можно сказать, что она жертва, поскольку её младшая сестра была взята в заложники. Её фактически заставили это сделать. Но как насчет меня? Хорошо, что яд не подействовал, но, если бы он сработал, я был бы уже мёртв.

— Как насчет такого. Возможно, вы не сможете принять её полностью, но почему бы вам просто не дать ей возможность искупить свою вину?

Боже мой, какой же он умелый оратор.

Я видел, как Ханна смотрела в пол, сидя в углу комнаты.

Это собачьи уши, да? ... Нет, волчьи? Подождите-ка, меня сейчас волнует не это. В нынешней ситуации о таком беспокоиться просто глупо.

— Вздых, хорошо. Я согласен на весь это фарс.

— Правда? Тогда, я ещё раз приношу свои извинения! Спасибо вам, Сумераги-доно.

Я со вздохом взглянул на Ханну, а затем снова посмотрел на Графа.

— Я буду строг, знаете ли.

— К этому и должна быть готова Ханна.

И это ответ графа? Что ж, Ханна рабыня, она не имеет права ничего говорить.

— Если я решу, что она искупила свой грех, я могу её освободить, верно?

— Эм, ну ...

— Я думаю, что такое условие должно быть приемлемым.

— Хм. Что ж, мне все равно. Делайте что хотите.

Кажется, рабов-преступников так просто не освободить. Но когда я буду удовлетворен и убежден в её раскаянии, я освобожу её от рабства. У меня должна быть такая возможность.

— Тогда, договорились. Это просто словесное обещание, но даже не думай отказываться от него.

— Я не сделаю ничего настолько ужасного, как нарушение моего обещания, данного вам, Сумераги-доно.

Мы засмеялись и пожали друг другу руки.

У Графа Аббаса на глазах выступили слёзы, так как я сжал его руку.

К слову, цена Ханны, как рабыни-преступницы, составляла 50 000 золотых. Это довольно

дешево, но довольно сложно найти покупателя для того, кто пытался убить человека, с помощью яда.

Я вдруг вспомнил день, когда меня никто не покупал даже за 10 000 золотых... Я даже почувствовал чувство близости с Ханной!

[1] – Дурацкий способ сказать, что ты плачешь.

<http://tl.rulate.ru/book/35642/1160395>